

DOI 10.15826/qr.2018.1.290
УДК 930+94(470)+316.422

К ПРОБЛЕМЕ «ВЕКОВОЙ РУССКОЙ ОТСТАЛОСТИ»*

Александр Каменский

Национальный исследовательский университет –
Высшая школа экономики,
Москва, Россия

ON 'AGE-OLD RUSSIAN BACKWARDNESS'

Alexander Kamensky

National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

This article considers the applicability of the concept of backwardness which was one of the basic concepts of both Russian and Western historiography of pre-revolutionary Russia until the late 20th century and resulted from the constant comparison of Russia with the conventional 'West'. On the one hand, modern historiography is characterised by a 'normalisation' of Russian history, i.e. attempts to prove that, considered generally, Russian historical development was identical to that of Western Europe, and, on the other hand, complete refusal to compare Russia and the West due to Russia having an altogether different and unique model of historical development. However, both of these trends contradict the worldview Russians had between the 18th and early 20th centuries. The author characterises both trends as dead ends as the concept of Russia's 'normality' makes it impossible to explain the events of the imperial era, while the other approach deprives a historian of one of the major research tools in studying the past. It results in an intellectual trap, and the author suggests that to solve this problem, scholars should create a new language of historical research and accumulate empirical data that would create a more complex and multidimensional image of the past.

Keywords: historiography; Russian history; concept of backwardness; modernisation; comparative studies.

* Статья подготовлена в рамках проекта «Законодательный процесс, социальная мобильность и социальные практики в российском и западноевропейском обществе раннего Нового времени» программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики 2017 г.

** *Citation:* Kamensky, A. (2018). On 'Age-old Russian Backwardness'. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 185–206. DOI 10.15826/qr.2018.1.290.

Цитирование: Kamensky A. On 'Age-old Russian Backwardness' // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 1. P. 185–206. DOI 10.15826/qr.2018.1.290 / Каменский А. К проблеме «вековой русской отсталости» // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 185–206. DOI 10.15826/qr.2018.1.290.

Статья посвящена обсуждению применимости концепта отсталости, вплоть до конца XX в. являвшегося одним из базовых концептов отечественной и зарубежной историографии дореволюционной России и сформировавшегося на основе постоянного сравнения России и условного «Запада». В современной историографии наблюдаются как попытки «нормализации» русской истории, стремление доказать, что в основных своих чертах историческое развитие России было идентично развитию стран Западной Европы, так и полный отказ от сравнений России с Западом в силу признания инаковости русской модели исторического развития. Однако это входит в противоречие с той картиной мира, которая существовала в сознании русских людей XVIII – начала XX в. и которые были собственно творцами истории страны. Обе эти позиции представляются тупиковыми, поскольку концепт нормальности исключает возможность объяснить многие события имперского периода, а отказ от сравнения лишает историка одного из важнейших инструментов познания прошлого. Таким образом, возникает своего рода интеллектуальная ловушка, выход из которой автор видит в выработке нового научного языка, а также в накоплении эмпирического материала, создающего более сложный и многомерный образ прошлого.

Ключевые слова: историография; история России; концепт отсталости; модернизация; компаративистика.

На протяжении всего XX в. одним из базовых теоретических концептов историографии истории дореволюционной России было представление об «отсталости» страны на разных этапах ее развития, которое преодолевалось в ходе радикальных реформ (преобразований Петра I, «великих реформ» Александра II, реформы Столыпина-Витте и т. д.). Причем этот концепт был общим как для отечественной, так и для зарубежной историографии и являлся едва ли не единственным, что объединяло советских и западных историков.

Первые унаследовали представление об «отсталости» от своих дореволюционных предшественников, которые, в свою очередь, испытывали сильное влияние общественного мнения, обсуждавшего проблему «отсталости» России, или ее «особого пути», по крайней мере с рубежа XVIII–XIX вв. Так, к примеру, даже Н. Г. Устрялов, традиционно считающийся ультраконсервативным историком, доказывая необходимость реформ Петра I, посвятил описанию отсталости Московской Руси несколько страниц введения к первому тому своей «Истории Петра Великого» и патетически заключал:

Мы коснели в старых понятиях, которые переходили из рода в род, из века в век; мы спесиво и с презрением смотрели на все новое и в каком-то чудном самозабвении воображали, что «православный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а святая – Русь первое государство». Бесспорно, привязанность к родному, национальному так же необходима для благоденствия общества, как и само образование. Но если это бла-

городное чувство переходит в закоренелый предрассудок, отвергающий всякую новую мысль, ужели государство, ими зараженное, может благоденствовать? [Устрялов, с. XXIX].

Большевики активно использовали идею отсталости, обосновывая необходимость революции 1917 г. Так, Л. Д. Троцкий начал свою «Историю русской революции» (1931) с утверждения, что

...основной, наиболее устойчивой чертой истории России является замедленный характер ее развития с вытекающей отсюда экономической отсталостью, примитивностью общественных форм, низким уровнем культуры [Троцкий, с. 19].

В феврале того же года заклятый враг Троцкого И. В. Сталин в одном из своих выступлений говорил:

История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все – за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. <...> Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет [Сталин, с. 38–39].

До 1934 г. советскими политиками и этнографами активно использовалось понятие «культурная отсталость». Считалось, что в СССР было в то время 97 культурно отсталых народов. В 1934 г. ЦИК запретил использование этого термина, но на протяжении еще ряда лет в отношении этих народов проводилась особая политика «коренизации» (см. об этом: [Martin T. D., 2001]). Очевидно, что советским историкам ничего не оставалось, как следовать этому дискурсу. Правда, после Второй мировой войны и смерти Сталина концепт «отсталости» несколько отошел в тень; во всяком случае, он более не акцентировался, хотя и воспринимался как некая данность.

Что же касается западных историков-русистов XX в., то они унаследовали идею отсталости России, с одной стороны, от западноевропейских путешественников XV–XVII вв., чьи сочинения сформировали устойчивый стереотип восприятия России на Западе, а с другой, от той же русской дореволюционной историографии. В условиях холодной войны дискурс отсталости был чрезвычайно удобной объяснительной моделью особенностей исторического развития России. Однако уже в 1951 г. была опубликована статья А. Гершенкрона «Экономическая отсталость в исторической перспективе», идеи которой спустя десять лет автор развил в отдельной книге [Gerschenkron, 1962]. Выводы Гершенкрона, который считается создателем особой теории «экономи-

ческой отсталости», сводились преимущественно к тому, что страны, отличающиеся экономической отсталостью, преодолевая ее, могут показывать очень высокие темпы развития и пропускать стадии, характерные для развития стран классического капитализма, причем выводы эти основывались преимущественно на анализе экономической истории России и СССР. Книга Гершенкрона вызвала оживленную дискуссию; его выводы были приняты далеко не всеми исследователями, но само положение об отсталости России, причем не только экономической, а понимаемой широко как базового теоретического концепта западной русистики, пожалуй, лишь укрепились.

Это положение пошатнулось на рубеже 1980-1990-х гг. В СССР периода перестройки на фоне резко возросшего интереса к прошлому (сперва преимущественно советского времени) началась и своего рода постепенная «реабилитация» царской России, становившейся анти-тезой по отношению к России коммунистической. В это время стали появляться первые публикации очерков и биографий императоров и императриц, истории дворянских родов, книг с описанием дореволюционного быта и т. д. Поначалу они терялись в общем потоке исполненных разоблачительного пафоса публикаций на исторические темы XX в., но с распадом СССР стали занимать все более заметное место на полках книжных магазинов. Для массового сознания важным рубежом и своего рода символом кардинальной смены приоритетов стал выход на экраны в 1992 г. документального фильма Ст. С. Говорухина с характерным названием «Россия, которую мы потеряли», последовавшего за его же фильмом 1990 г. «Так жить нельзя». В сущности, эти фильмы уже заключали в себе схему концепции консервативной модернизации, ставшей доминантой в XXI в.: это преимущественно негативное отношение к советскому прошлому и обращение к прошлому дореволюционному как к подлежащему реставрации идеалу.

В этот же период начался процесс сегментации академического сообщества. Часть историков, сосредоточивших свои усилия на идеализации русского дореволюционного прошлого, о концепте отсталости предпочла забыть. Для других он сохранил свое значение как в традиционном, так и в несколько трансформированном виде. Так, некоторые историки, как бы соревнуясь со Сталиным, попытались хронологически определить отставание России от развитых стран Запада на разных этапах ее развития. И. Д. Ковальченко, к примеру, полагал доказанным, что во второй половине XVII в., накануне Петровских реформ, Россия отставала по меньшей мере на 200 лет [Ковальченко, 1995], а С. М. Каштанов обратил внимание на то, что еще Н. П. Павлов-Сильванский, «доказывая принципиальную однородность русского и западного феодализма, кажется, не придавал значения тому, что все сопоставляемые им факты и институты разделяются хронологическим промежутком в 600-800 лет». Сам Каштанов пришел к выводу, что «сложившееся к концу XV - XVI в. Русское государство имело в целом ту же социальную базу,

что и империя Карла Великого» [Каштанов, 1992, с. 85–92; см. также: Каштанов, 1999]. В свою очередь, Б. Н. Флоря обнаружил параллели между Московской Русью этого времени в странах Центральной Европы XI–XIII вв. [Флоря, с. 56–74]. Авторы предисловия к посвященному XVIII столетию четвертому тому новейшей «Всемирной истории» пошли дальше, сравнивая развитие России не только с европейским Западом, но и с Востоком. По их утверждению, «в конце XVII в. Россия в целом была более отсталой, чем крупные страны Запада и Востока». В доказательство этого тезиса авторы приводят данные об уровне урожайности зерновых, уровне урбанизации, грамотности и подушевом ВВП. При этом, утверждают они, «крайне низкими» оставались темпы экономического развития России и в XVIII в.: «Отставание России от стран Запада на протяжении XVIII столетия продолжало нарастать, при этом она продолжала отставать и от Китая, в том числе по уровню урбанизации» [Карп, Мельянцева, с. 9–10]. Вполне очевидно, что используемые в данном случае показатели отсталости основываются на теории модернизации.

Со второй половины 1990-х гг. эта теория заняла в российской историографии, как и в целом в социальных науках, весьма заметное место. Производной от нее, «по умолчанию» подразумевающей отсталость, является концепция «догоняющего развития», попавшая даже на страницы школьных учебников по обществознанию. Восходящая к трудам Ф. Листа и отчасти того же А. Гершенкрона концепция предполагает определяющую роль государства как регулятора экономических процессов. Примечательно при этом, что, согласно современной российской интерпретации, особенность догоняющего развития «состоит в том, что в большинстве случаев оно связано с авторитарными, а иногда и диктаторскими формами правления» [Догоняющее развитие], которые при такой интерпретации предстают для России имманентными и неизбежными свойствами. Между тем, в современных социальных науках существуют и иные подходы к оценке сравнительной эффективности государственной власти, как, например, категории «сильного» и «слабого» государства [Migdal, 1988], причем под силой понимается отнюдь не полицейская мощь государства, а его способность проникать в ткань социальных отношений, регулировать их, извлекать и максимально эффективно использовать ресурсы, что вовсе не тождественно государству авторитарному и тем более тоталитарному.

В рамках получившего распространение в России последних лет «патриотического» дискурса «вековая отсталость России» отнесена ко одному из требующих опровержения мифов. Множество публикаций подобного рода можно обнаружить как в печатных СМИ, так и в Интернете. Причем некоторые тексты носят вполне профессиональный характер. Так, к примеру, на сайте блогера Олега Макаренко в 2014 г. был размещен пространный текст, в вводной части к которому утверждалось:

Как и многие другие мифы, миф об отсталости России содержит в себе отдельные зерна правды – действительно, были в долгой российской истории такие периоды, когда она отставала от Запада в тех или иных отношениях и была вынуждена это отставание нагонять. Однако на эту объективную основу сторонниками мифа об «отсталых русских варварах» навешано немало демагогии, лжи и невежества, которые требуют опровержения и разъяснения [Миф о вековой отсталости России].

Далее анонимный автор представляет довольно подробный очерк русской истории, начиная с Древней Руси, демонстрируя определенное знание историографии, хотя и основывая свои рассуждения на подчас устаревших и спорных положениях. Так, он не сомневается, что Русское государство возникло уже в 862 г. (раньше многих других европейских государств) и что оно носило феодальный характер. После весьма благостного описания достижений Древней Руси в тексте появляется подзаголовок «Причины кризиса Древней Руси», после чего автор переходит к Руси Московской, которая, по его мнению, была «централизованным национальным (!) государством», возникшим на Руси раньше, чем в Испании, Франции и Англии. Это успешно развивавшееся передовое государство к концу своего существования, однако, тоже переживает кризис. Не избежала кризиса и Российская империя, хотя в разделе о ее экономическом развитии жирным шрифтом выделены подзаголовки с характерной лексикой: «Россия была лидером по...», «Россия занимала первое место в мире по...», «Россия была мировым лидером по...» и т. д. Отнюдь не жирным шрифтом даны в статье сведения о ВВП на душу населения, согласно которым «подушевой ВВП России в 1913 г. оценивается как равный 28,1 % от уровня США, 30,2 % от уровня Великобритании, 40,8 % от уровня Германии, 42,6 % от уровня Франции, 68 % от уровня Италии». Автор также утверждает, что «крепостное право хотя и было негативным пережитком прошлого, но его масштабы и отрицательная роль были не так велики, как принято считать», но одновременно с этим «крепостное право было отменено в России на несколько десятилетий позже, чем в странах Средней Европы, что поставило Россию в ситуацию социальной отсталости» и стало одной из причин кризиса Российской империи. Однако «к началу XX века Российская империя, – утверждает автор, – достигла выдающихся успехов во всех сферах человеческой деятельности и была одной из самых передовых стран в мире», а «кризис и революция в Российской империи случились не из-за отставания или упадка, а наоборот, из-за быстрого развития и серьезных дисбалансов и противоречий, которые возникли в ходе этого развития». «Революцию в Российской империи, – приходит к выводу автор, – можно считать трагедией, но никак не признаком общей цивилизационной отсталости, а скорее наоборот» [Там же]. Вряд ли стоит винить автора этого текста в очевидных противоречиях, поскольку при его бесспорной идеологической заряженности избежать их было невозможно.

Между тем, на Западе распад СССР совпал по времени с торжеством мультикультурализма и политкорректности, когда говорить об отсталости какой-либо страны, народа или культуры стало неприличным. Однако еще задолго до этого в 1968 г. американский историк Адам Улам критиковал использование «проклятого слова “отсталость”» и утверждал, что «следует заготовить награду для того, кто напишет книгу о России и при этом сумеет обойтись без него, поскольку оно скорее затемняет, чем раскрывает природу русского общества до 1917 г.». (цит. по: [Н-Net]). В 1990-е гг. само понятие «отсталость» было признано оскорбительным, а общепринятым стало говорить и писать не об отсталой стране/культуре/экономике, а о *другой* культуре, *другой* модели экономического и социального развития, *другой* модели модернизации и т.д. В эти же годы появились написанные в рамках изучения ментальных карт и в значительной мере под влиянием «Ориентализма» Э. Саида исследования Л. Вульфа, М. Тодоровой и А. Ноймана, посвященные истории формирования на Западе дискурса отсталости и нецивилизованности в отношении России и в целом Восточной и Южной Европы (см.: [Wolff, 1994; Вульф, 2003; Todorova, 2005; Neumann, 1999]). Примечательно, что в предисловии к русскому изданию книги Вульфа, основанной преимущественно на записках путешественников XVIII в., А. И. Миллер писал:

...В самом утверждении, что Восточная Европа была по сравнению с Западной более бедной, отсталой, если угодно – дикой, никакой тенденциозности еще нет. Насколько соответствуют действительности те иллюстрации и объяснения природы отсталости, которыми пользуются авторы описаний и путевых заметок? Сколько в каждом конкретном случае искреннего заблуждения, сколько сознательного изобретательства, сколько умолчания? Пока что у нас нет исследований, позволяющих ответить на эти вопросы, – но помнить о них важно еще и для того, чтобы... не возникало желание подумать, будто отсталость России лишь выдумка западных путешественников [Миллер, с. 7–8].

Вполне очевидно, что отказ от концепта отсталости в западной русистике был связан и с еще одним важным изменением в общих представлениях ученых об историческом процессе, а именно с разочарованием в идее прогресса. Если суть исторического процесса не в постоянном и неуклонном совершенствовании человеческого общества, то и разговор об отставании каких-либо отдельных стран и народов теряет всякий смысл. Стоит также отметить, что еще несколько ранее появились суждения о том, что в действительности ускоренное развитие Западной Европы представляет собой не норму, а требующее объяснения исключение, в то время как развитие (прежде всего экономическое) Восточной Европы было не отсталым, а как раз, напротив, нормальным (на это обращает внимание М. Тодорова: [Todorova, 2005, p. 146]).

Между тем, новый взгляд на проблему отсталости применительно к России был принят не всеми. Во время дискуссии, состоявшейся в 2006 г. в рамках электронной научной сети *H-Net Russian History list*, Алекс Мартин заметил, что, если

...русские и европейцы на протяжении веков были едины в том, что в России был ниже уровень грамотности, меньше дорог, развитых технологий и прочего, то они, конечно же знали, о чем говорили. То, что они инкорпорировали эти наблюдения в линейную схему исторического развития, важно не потому, что это отражает реальность, но потому что это создавало реальность. Русские от Петра до Путина сознавали, что Россия была отсталой и нуждалась в модернизации, и этого достаточно для того, чтобы считать отсталость ключевым фактом русской истории (цит. по: [H-Net]).

Известный американский историк русского Средневековья Ричард Хелли утверждал, что отсталость является практически непреодолимой особенностью России. Рассказывая в 2008 г. о книге, над которой он тогда работал и которая осталась незавершенной (автор умер в 2009 г.), Хелли настаивал, что «понятие русской исторической отсталости является не политически некорректным оскорблением, но очень давней частью русского цивилизационного дискурса» (см.: [Gibson]).

Наряду с этим в современной историографии в последние годы наметилась тенденция, которую можно обозначить как «нормализацию» русской истории. В рамках этой тенденции можно выделить два условных трека. Основная идея сторонников первого в том, что принципиальных различий в развитии России и других европейских стран не было. Наиболее ярко эта идея представлена в работах Б. Н. Миронова, и прежде всего в его вышедшей сперва по-английски [Mironov], а затем и на русском языке двухтомной «Социальной истории» [Миронов, 1999]. Ни одна другая работа по истории России, опубликованная за последние 25 лет, не привлекала к себе столько внимания и не вызывала таких ожесточенных дискуссий, как книга Миронова. Высоко оценивая беспримерно широкую историографическую основу этого исследования, его автора критиковали как за методологические просчеты, так и за не вполне обоснованные выводы, в частности, о развитии в дореволюционной России гражданского общества. Однако симптоматичным представляется дальнейшее развитие предложенной им концепции. Обратившись к проблематике революции 1917 г., Миронов фактически оказался в ее плену. Если предшествующая история России в его представлении была «нормальной»¹, то значит, не следует искать какие-то глубинные социальные, экономические, культурные процессы, которые привели к революции или, пра-

¹ Необходимо оговориться, что, постулируя «нормальность» исторического развития России, Миронов одновременно признает и то, что, по сравнению с Западом, это развитие шло с отставанием [Миронов, 1999, т. 2, с. 299].

вильнее, сделали ее необратимой. То есть можно допустить, что сами события в Петрограде в октябре 1917 г. были результатом случайного стечения обстоятельств. Но почему при этом большевикам удалось закрепиться у власти на 70 лет? Отказываясь от попытки анализа исторических процессов большой длительности, поскольку это противоречит концепции «нормальности», Миронов в результате пришел к достаточно банальному выводу о вине русской интеллигенции (в его терминологии – «общественности»)². «Лидером, вдохновителем и организатором революционных действий, – считает он, – выступила либерально-радикальная общественность, а народ был вовлечен в них умелой агитацией и пропагандой». В то же время «непосредственная причина революций заключалась в борьбе за власть между разными группами элит» [Миронов, 2012, с. 700]³. Стоит заметить, что с точки зрения «нормальности» всей предшествующей истории и сама «общественность» предстает не как продукт определенных длительных социальных процессов, а как чужеродное явление.

Второй трек «нормализации» русской истории представлен преимущественно западными историками. Связанные с ним основные идеи сводятся к тому, что само понятие нормы неопределенно, что ориентация на Западную Европу как норму непродуктивна и научно не обоснована, в том числе потому что «Запад» или «Европа» – это скорее интеллектуальные конструкты, чем историческая реальность. Понятно, что подобный взгляд связан с общим отходом современной исторической науки от европоцентричности и утверждением представления о многовариантности исторического развития. Основной вывод, который при этом делается, состоит в том, что Россия не была «ненормальной», но, в соответствии с правилами мультикультурного подхода, она была *другой*.

Нетрудно, однако, заметить, что ничего принципиально нового в этом нет. В сущности, «другая» история России в переводе

² И. В. Кукулин считает возможным применять это понятие и при описании ситуации в современной России, полагая, что «это более широкое и менее оценочное понятие, чем “интеллигенция”» [Кукулин, с. 225]. При этом он ссылается на статью О. Ю. Малиновой, посвященную изучению понятий, связанных с публичной сферой в России середины XIX – начала XX в. Между тем, в статье Малиновой отмечается, что в конце XIX – начале XX в. «слово *общественность* используется как для обозначения среды, где формируется общественное мнение и соперничают разные общественные силы, так и для совокупной характеристики участников этого процесса», «однако данный термин не превращается в основное понятие для обозначения таких практик... *общественность* остается неспецифическим понятием, вбирая в себя множество *разных* смыслов...» [Малинова, с. 443, 445].

³ По-видимому, именно Миронова и его сторонников имеет в виду В. П. Булдаков: «Если предреволюционная Россия “процветала” в хозяйственном отношении, уверенно двигаясь “от традиции к модерну”, если народ “благоденствовал”, то никаких объективных предпосылок революции быть не могло. <...> Забывается и о том, что ощутимый рост благосостояния, особенно в авторитарно-патерналистских системах, порождает еще больший всплеск социальных ожиданий. И если подобный процесс резко прерывается по неведомым причинам, взрыв социального недовольства неизбежен» [Булдаков, с. 17].

«на язык родных осин» – это пресловутый «особый путь». Притом, что, хотя сама идея «особого пути» была парадоксальным образом заимствована русскими славянофилами у немецких романтиков начала XIX в., историки и публицисты рассуждают о нем уже не одно столетие. Очевидно также, что от этих рассуждений – лишь один шаг как к классической теории евразийства, так и к ее современному изводу с представлением о России как особой цивилизации, занимающей достаточно заметное место в претендующих на концептуальность сочинениях и высказываниях многих современных российских политиков и публицистов, манипулирующих понятием «цивилизация» для обоснования не только российской самобытности, но и неприемлемости для нее демократии западного типа.

Однако некоторые зарубежные историки делают еще один важный вывод методологического характера. По их мнению, поскольку Россия была *другой*, то и сравнивать ее со странами Запада не следует. Так, уже в 1993 г. в Стэнфордском университете на конференции, посвященной истории и культуре России и Украины XVI–XVII вв., был сделан доклад о развитии сельского хозяйства в России этого времени. Его автор, американская исследовательница Дженет Мартин, настаивала на том, что сельское хозяйство России в указанный период было только таким, каким оно могло быть в конкретных условиях того времени, и что, поскольку оно при этом обеспечивало потребности государства и населения, сравнивать его с развитием сельского хозяйства в Западной Европе и описывать как отсталое не следует. В опубликованной версии этого доклада историк несколько сместила акценты, поставив в центр своей работы вопрос о том, почему русские крестьяне не заимствовали более продуктивные сельскохозяйственные технологии, уже применявшиеся в это время в странах Западной Европы. Вывод, к которому она пришла, заключается в том, что

...крестьяне продолжали придерживаться традиционных сельскохозяйственных практик и отказывались перенимать зарубежные методы и технологии, потому что почти не было стимулов к нарушению равновесия установившейся системы. Традиционные технологии обеспечивали наиболее эффективное использование ресурсов Московии и успешно удовлетворяли потребности общества. Использование более «прогрессивных» или «совершенных» методов и технологий, с другой стороны, требовало больше трудовых ресурсов, которых в Московии не было, и повышало стоимость возможных затрат на модернизацию аграрной деятельности больше, чем крестьяне были готовы заплатить [Martin, p. 31].

Вывод Дж. Мартин перекликается с выводами вышедшего в 1998 г. капитального труда Л.В. Милова, который фактически утверждал, что с учетом климатических условий установление в России крепостного права и его длительное сохранение, как и деспотическая самодержавная власть, были неизбежны [Милов, 1994]. Иначе говоря,

«особый путь» России был предопределен ее природно-климатическими условиями, причем, как отмечает современный интерпретатор этой концепции, «рассуждения Милова относятся к XVIII–XIX и более ранним векам, но понятно, как их экстраполировать на то, что было потом» [Ефимов, с. 408]. Между тем, концепция Л. В. Милова была подвергнута резкой критике М. А. Давыдовым, который среди прочего отмечал:

...теория Милова – своего рода вариант советского марксистского монизма, пытающийся объяснить процессы неизмеримой сложности какой-то одной причиной, хотя бы и действительно очень важной. При этом человек фактически исключается из «уравнения Истории», его жизнь полностью определяется внешними силами, в данном случае – силами Природы [Давыдов, с. 315].

При совпадении выводов Милова и Мартин они, однако, исходят из разных методологических посылок. Если первый подтверждал свои умозаключения множеством примеров сравнения природно-климатических условий России и Западной Европы (хотя и подобранных с очевидной тенденциозностью), то вторая, напротив, призывала вовсе отказаться от сравнения. Между тем, представляется, что отказ от сравнения, по сути, означает отказ от важнейшего инструмента познания, а значит, и отказ от надежды понять суть изучаемых нами исторических явлений. У этой проблемы есть и еще один аспект. В ноябре 2014 г. в Германском историческом институте в Москве выступал с докладом швейцарский историк Фритьоф Беньямин Шенк. Доклад был основан на его последней книге, посвященной истории строительства железных дорог в России конца XIX – начала XX в., которое традиционно рассматривается как важнейший показатель модернизации этого периода [Шенк, 2016]. В предварительной разосланной аннотации доклада говорилось:

Существуют две точки зрения на историю Российской империи XIX века. В основе одной из них – известная парадигма «отсталости» и «догоняющей модернизации» России. Определяющим для этой фигуры интерпретации является сравнение общественного, политического и экономического развития страны с идеальным-типическим «Западом», а также положительная трактовка процесса «модернизации». Альтернативный взгляд предполагает акцент не на «дефицитах» русского развития, а на динамике исторических перемен в диахронической перспективе. В рамках этой концепции внимание обращено на альтернативные пути исторического развития и на амбивалентность эпохи модерна.

Автор настаивал, что речь идет о модернизации, но иной, *другой* ее модели, в силу чего ее не следует сравнивать с модернизацией в европейских странах. Представление о существовании разных моделей модернизации в целом является для современной науки общеприня-

тым, хотя нельзя не заметить, что, в сущности, с самим понятием «модернизация» произошло то же, что и со многими другими операционными понятиями: оно стало многозначным и фактически утратило первоначальный смысл. Так, к примеру, принадлежащие к разным научным школам ученые продолжают причислять к феодализму явления, имеющие между собой мало общего, в связи с чем возникают сомнения в целесообразности использования самого понятия.

Во время дискуссии по докладу Шенка было отмечено, что, отказываясь от сравнения с «идеально-типическим “Западом”», он, в сущности, отказывает России в принадлежности к Европе как, пользуясь его же выражением, «идеально-типической» цивилизационной модели. Между тем, люди, о которых он пишет, русские люди XIX – начала XX в., постоянно сравнивали свою страну именно с Европой и стремились быть европейцами. Отвечая на это замечание, швейцарский историк сказал, что оно представляется ему очень серьезным, что у него нет готового ответа, и он должен это обдумать. Стоит при этом заметить, что в заключении своей книги Шенк и сам признает, что «начиная со времен правления Петра I (Великого) идеальный тип “Европы” (а также идеальный тип “Запада”) служил российской элите референтной величиной для описания и оценки исторического развития собственной страны». Однако затем он предлагает рассматривать «историю транспортно-технического освоения Российской империи в XIX столетии» не в парадигме отсталости, но «в иной перспективе», когда «сравнение России с другими европейскими странами не попадает в центр внимания в первую очередь», а «фокус скорее смещается в сторону признаков той общественной, политической и культурной трансформации России, которая стала результатом появления транспорта на паровом двигателе. В этой перспективе в поле зрения оказывается не (предполагаемая) “недостаточность”, “незавершенной” модернизации России, но те (амбивалентные) социальные и культурные тенденции развития, которым дали толчок строительство и использование железных дорог в Российской империи» [Шенк, с. 488–490].

То, что подобный подход не только имеет право на существование, но и чрезвычайно плодотворен, Шенк блестяще продемонстрировал своей монографией, но показательно, что, высказав процитированные выше соображения, он затем фактически пересказывает содержание своей книги, воздерживаясь от каких-либо выводов общеисторического характера. Означает ли это, что в рамках «иной перспективы» собранные и систематизированные богатейшие эмпирические данные в принципе не позволяют делать какие-либо умозаключения на макроисторическом уровне? И не становится ли при этом история просто коллекцией фактов?

Своего рода вариацией попыток «нормализации» русской истории и одновременно вариацией теории А. Гершенкрона являются работы Алессандро Станциани. В опубликованной им в 2014 г. в журнале *Ab Imperio* статье, посвященной крепостному праву [Stanziani,

2014], он (солидаризируясь с неизвестным автором процитированного выше интернетовского текста), доказывает, что оно было совсем не таким страшным, как принято думать, поскольку на протяжении второй половины XVIII – первой половины XIX в. пространство крепостничества постоянно сужалось, крепостнический гнет ослабевал, но, что самое главное, экономика при этом развивалась. А значит, делает вывод историк, даже несвободный труд тоже может быть продуктивным, в связи с чем он призывает к пересмотру взгляда на крепостничество в целом. Между тем, не только профессиональным историкам, но и всем маломальски образованным людям известно, что в истории человечества число столетий, связанных с несвободой, значительно превышает число столетий, когда личная свобода стала доминантой. И если бы труд рабов в Древнем Египте, Древнем Риме и Северной Америке XVIII – первой половины XIX в. был непродуктивным, то история человечества уже давно бы закончилась. Но автор опять же сознательно отказывается от сравнения продуктивности труда русских крепостных и свободных крестьян Западной Европы, становясь в итоге (надеюсь, невольно) своего рода апологетом крепостничества. Полностью исключены из его поля зрения социальный, культурный, морально-нравственный и иные аспекты крепостничества. В результате, хотя Станциани не говорит об этом прямо, в его интерпретации несвобода миллионов русских людей предстает их культурным своеобразием, присущим им по умолчанию, которое можно оставить за скобками, рассуждая исключительно об эффективности труда. В итоге его выводы, по сути, смыкаются с выводами таких историков, как Л. В. Милов, Ричард Хелли и Маршалл По (последний является автором посвященной анализу записок иностранцев о Московской Руси книги с характерным названием – «Народ, рожденный для рабства») [Рое, 2000].

Пример иного рода «нормализации» представляют собой работы американки Нэнси Коллманн [Kollmann, 1999; Kollmann, 2012; Коллманн, 2002; Коллманн, 2016] и ее ученицы Вэлери Кивельсон [Kivelson, 1996; Kivelson, 2006; Кивельсон, 2012]. Одна из основных идей этих авторов состоит в том, что власть московского государя в XVI–XVII вв. была отнюдь не столь всеобъемлющей, а значит, и не тиранической, как принято считать: она не охватывала значительные сферы русской жизни, а недостаток ресурсов заставлял власть использовать механизмы саморегулирования и практики, сложившиеся на уровне обычаев и традиций. Обе исследовательницы достаточно убедительно доказывают, что Московская Русь была типичным государством раннего Нового времени, отмечая, в частности, такие его черты, как религиозная идеология, наличие бюрократии, а также использование насилия как инструмента управления. Работы Коллманн и Кивельсон отличает, во-первых, то, что они носят эмпирический характер и основаны на внушительной базе архивных источников, а, во-вторых, что их авторы не только не отказываются от сравнения

как инструмента познания, но, напротив, его активно используют. Они выявляют как сходства, так и отличия, создавая более сложную картину прошлого, а их отказ считать русскую власть деспотической основывается на анализе не политических институтов, а политических практик.

Описанная выше ситуация с использованием концепта отсталости представляет собой довольно сложную проблему, своего рода интеллектуальную ловушку. С одной стороны, нельзя не согласиться с тем, что понятие нормы носит вненаучный характер, что множественность моделей исторического развития (в том числе модернизации) характерна не только для глобальной истории, но и для истории Европы. Однако невозможно игнорировать и то обстоятельство, что, по выражению В. М. Межуева, «о “лице России” можно судить тогда, когда известно зеркало, в которое она смотрится. И таким зеркалом для нее всегда была Европа. Глядя в нее, она и судила о себе» [Межуев, с. 14]. Но даже если ввиду опять же неопределенности используемых понятий и отсутствия надежды на достижение по ним консенсуса оставить в стороне вопрос о том, является ли Россия «Европой», «Азией» или самостоятельной цивилизацией, тем более что ответ на этот вопрос находится вне предметной области исторической науки, отказ от сравнения как инструмента исторического познания грозит превращением истории России в набор фактографического материала.

Конечно, занимаясь компаративными исследованиями, историки должны обнаруживать, что что-то в России было точно так же, как в одной из европейских стран, что-то совсем не так, а что-то совсем особенное, чего не было ни в одной европейской стране. И, наоборот, в России может не оказаться чего-то, что было во всех или в большинстве европейских стран. Выявление подобного рода эмпирических фактов, их анализ, систематизация и выведение на их основе определенных умозаключений – задача профессиональных историков. Однако это не значит, что следует вовсе отказаться от использования обобщенного идеально-типического образа Европы. Против этого есть, по крайней мере, два существенных аргумента.

Во-первых, принципиально важно, что, используя вышеприведенную метафору В. М. Межуева, Россия, вглядываясь в зеркало, видела в нем не отдельные страны, а именно обобщенный образ Европы – его видели русские люди и в XVIII, и в XIX, и в XX в., точно так же, как россияне начала XXI в, встречая загадочную надпись «евроремонт», не задумываются о том, идет ли речь о датских или португальских стандартах качества наклейки обоев. В. А. Жуковский писал в 1840-х гг. в своем дневнике:

Меры нашего правительства клонятся к тому, чтобы снова затворить те двери, которые Петр нам отворил в Европу... Нас хотят насильно заставить любить Россию, боятся заразы и либеральных мнений... боятся того действия, которое на русских производит сравнение с Европою...

Нет! Сделайте, чтобы нам было хорошо в России, и смело отворите настежь двери в Европу [Жуковский, с. 405].

Игнорируя это видение людей прошлого, мы рискуем вместе с ним лишиться и шансов на понимание мотивов действий исторических акторов.

Во-вторых, в то время как одним из важнейших топосов современного «патриотического» дискурса является совершенный в X в. «исторический/цивилизационный выбор» России, принявшей христианство в его православном изводе, как бы в тени остается тот факт, что это был выбор в пользу иудео-христианской цивилизации, а значит, в пользу Европы, то есть того географического пространства, где эта цивилизация доминировала в последние 20 столетий. На рубеже XVII-XVIII вв. Россия сделала еще один совершенно сознательный исторический выбор, и снова в пользу Европы, открыто заимствуя у нее политические, социальные и культурные институты и воспроизводя такие элементы европейской цивилизации/цивизованности, как организация науки и образования, светская литература со всеми ее жанрами, формы музыкального искусства, драматический театр и изобразительное искусство, опера и балет, архитектура с соответствующими элементами организации жилого пространства и одежда, система наград и дворянских титулов, публичные библиотеки и музеи, периодическая печать и коллекционирование произведений искусства, гастрономия и благотворительность, банки и принципы обращения капитала, практики проведения досуга и межличностной коммуникации, картография и идеи об обществе, государстве, воспитанности, благородстве, образованности и т. д. Каждый из этих институтов имел свою историю, вовсе не обязательно зародился именно в Европе и был характерен именно и только для нее, но в совокупности, в сочетании друг с другом они и образовывали то, что принято называть европейской цивилизацией. И Россия заимствовала их в Европе в той модификации, в какой они там в это время существовали, заимствовала в Голландии и Швеции, Франции и Германии, Англии и Италии. Плодом этого сложного, противоречивого и далеко не однолинейного процесса рецепции стала русская общественная мысль, по-своему перерабатывавшая идеи французского Просвещения XVIII в., немецких романтиков начала XIX в., всевозможных консервативных, либеральных и социалистических течений философии и социальной мысли. Результатом этого процесса рецепции стала и великая русская культура XIX-XX веков.

Стоит при этом задуматься над тем, в какой мере выбор начала XVIII в. был обусловлен, а может быть, и предопределен выбором X в.? Может быть, права была Екатерина II, когда в своем Наказе Уложенной комиссии утверждала: «Петр Первый, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие

удобности, каких он и сам не ожидал» [Екатерина II, с. 115], и именно поэтому, в силу органичности сделанного Петром выбора, он оказался необратимым?

При всех многочисленных оговорках об особенностях рецепции и трансформации европейских институтов на русской почве, при всех время от времени проявлявшихся в течение последних трех столетий порывах отгородиться от «Запада» очевидно, что страна была ориентирована именно на европейскую модель, воспринимая ее как нечто целостное. Это делает сравнение развития России с европейскими странами в историческом исследовании не только оправданным, но и необходимым.

С учетом сказанного слишком категоричным представляется упрек М. М. Крома в адрес Б. Н. Миронова в европоцентричности и его суждение о том, что «неизменной “парой” для сравнения России в монографии Миронова выступает некий абстрактный Запад, но каким образом была построена эта идеальная модель, в книге не разъясняется. <...> Неудивительно, что на таком абстрактном уровне сравнение не работает, и итоговый вывод Миронова поражает своей банальностью» [Кром, с. 218]. Но если бы Миронов на всем протяжении своего двухтомного исследования каждое из анализируемых им явлений постоянно сравнивал то с Францией, то с Данией, то с Испанией, то с Англией, скорее всего, получилась бы пестрая мозаика, не дающая возможности для обобщающих выводов. Кстати, сам М. М. Кром подчеркнуто солидаризируется с В. Кивельсон в определении Московской Руси как государства раннего Нового времени, причем его собственная работа, на которую он ссылается, имеет характерное название: «Рождение государства Нового времени в России и в Европе» [Кром, с. 215]. Но разве понятие «государство раннего Нового времени» не является таким же условным конструктом и обобщенным понятием?

Все сказанное ставит вопрос о возможности, перспективности, а главное, об инструментальной полезности использования концепта отсталости. С одной стороны, вполне понятно, что и само слово «отсталость», и тем более словосочетание «отсталая страна», на эмоциональном уровне могут восприниматься как обидные и даже оскорбительные. Однако в данном случае речь идет о языке науки, где данное понятие имеет не оценочное, но констатирующее значение. Русский язык при этом позволяет обойтись и без него. К примеру, можно сказать, что «Россия отставала по темпам развития», а можно – «темпы развития России были ниже», но смысл сказанного от этого не меняется. Следует ли нам полностью отказаться от концепта отсталости и при проведении компаративных исследований концентрироваться лишь на констатации другого, отличного? Но как тогда быть с той реальностью, о которой писал Т. Д. Мартин, которая веками существовала в головах русских людей и определяла их действия как исторических акторов?

В сущности, мы имеем здесь дело с весьма характерной для современной исторической науки проблемой. Восприятие тех или иных событий прошлого их современниками фиксируется в массовом сознании, а также в источниках, прежде всего нарративных, передается историкам и закрепляется в историографии. Однако затем на определенном этапе развития науки историки начинают подвергать сложившийся образ прошлого ревизии. Они обнаруживают новые источники и приходят к выводу, что прошлая реальность была иной, не столь однозначной, более сложной и что оценки и восприятие современников были не вполне адекватными. Однако эти оценки и это восприятие тоже были частью прошлой реальности. Как соединить, как примирить эти две зачастую противостоящие друг другу реальности? И не случится ли так, что в результате мы станем солидаризироваться с Б. Н. Мироновым, обвиняющим «общественность» в непонимании ею благородных помыслов власти?

Представляется, что определенную надежду на то, что выход из этой интеллектуальной ловушки возможен, дают два обстоятельства. Во-первых, в современной исторической науке утвердилось отразившееся в приведенных выше словах М. А. Давыдова представление о многофакторности исторического процесса и определяющей роли *выбора*, осуществленного людьми прошлого. По выражению В. П. Булдакова, «человек сам творил собственную историю, обычно даже не подозревая об этом», и «историю давно следовало бы понимать через “маленького человека”, заброшенного госпожой Клио вместе со всеми его надеждами в “непонятное” время» [Булдаков, с. 11, 14]. С учетом исторической ретроспективы выбор, сделанный человеком прошлого, может оцениваться как ошибочный, в том числе основанный на неверных суждениях, но задача историка состоит скорее не в том, чтобы дать ему ту или иную оценку, а в том, чтобы, насколько возможно, объяснить, почему был сделан именно этот выбор, а не другой, и почему именно эти, а не иные суждения и представления были характерны для людей прошлого. В этой связи первостепенное значение приобретают интенсифицировавшиеся в последнее время исследования, связанные с изучением структуры русского общества, механизмов функционирования горизонтальных и вертикальных связей, самоидентификации, повседневных практик, которые, кстати, у разных народов нередко оказываются весьма схожими [Kamenskii, 2004]. Также важнейшее значение имеет широко понимаемое культурное измерение, на почти полное отсутствие которого в историографии русской революции сетует В. П. Булдаков [Булдаков, с. 15]. В методологическом отношении перспективным применительно к такого рода исследованиям представляется подход, предложенный М. Тодоровой, изучавшей проблему отсталости на примере истории национализма в странах Балканского региона, и заключающийся в рассмотрении явлений с точки зрения синхронности в рамках *longue durée*. Она, в частности, обращает внимание на

необходимость изучения различий в скорости восприятия нового у разных социальных, возрастных, гендерных, религиозных и иных групп населения [Тодорова, 1997].

Во-вторых, новые эмпирические исследования как российских, так и зарубежных историков создают гораздо более сложный, объемный и многомерный образ прошлого, нежели тот, что существовал в историографии последних столетий. Интерпретация этого многомерного образа требует, по-видимому, и иного, более тонкого инструментария, не сводимого ни к понятию «отсталость», ни к понятию «другой/другая». Речь идет не о том, чтобы отбросить эти понятия, но о том, чтобы дополнить их новыми, уточняющими определениями и наполнить новым смыслом. Примерно об этом с присущим ему чувством юмора еще в 2006 г. писал Дэвид Голдфранк: «Если мы не хотим использовать относительные термины “передовой” и “отсталый”, нам нужно найти другой набор “уток”, чтобы сравнивать, как эти общества выглядели, двигались и кричали» (цит. по: [H-Net]). По сути дела, речь идет о выработке нового языка науки – задаче, которая актуальна, конечно, не только для данной проблематики и о которой говорится уже давно, но пока без видимого результата. Вероятно, это связано с тем, что накопленный исследователями эмпирический материал еще не достиг критической массы, способной обеспечить качественный прорыв.

Список литературы

Булдаков В. П. Бич сатиры и революция : Вместо предисловия // Бич. 1917 : События года в сатире современников. М. : Бослен, 2017. С. 11–12.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М. : Новое лит. обозрение, 2003. 560 с.

Давыдов М. А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX в. и железнодорожная статистика. СПб. : Алетей, 2010. 832 с.

Догоняющее развитие // Лопатников Л. И. Экономико-математический словарь : Словарь современной экономической науки. М. : Дело, 2003. URL: <http://economicmathematics.academic.ru/1475> (дата обращения: 14.10.2017).

Екатерина II. Наказ комиссии о сочинении проекта нового уложения // Екатерина II : Избранное. М. : РОССПЭН, 2010. С. 115–189.

Ефимов А. С чего мы взяли : Три века попыток понять Россию умом. М. : Individuum, 2017. 413 с.

Жуковский В. А. Из дневника // «Путь мой лежит по земле к прекрасной и возвышенной цели...» / под ред. Е. Ю. Филькиной. М. : Рус. мир, 2008. С. 360–425.

Карп С. Я., Мельянцева В. А. Введение : Восток и Запад в XVIII веке // Всемирная история : в 6 т. М. : Наука, 2013. Т. 4. Мир в XVIII веке. С. 5–11.

Каишанов С. М. Исторические параллели: Иван III и Карл Мартелл // Россия в IX–XX вв. : Проблемы истории, историографии и источниковедения. М. : Изд-во РГГУ, 1999. С. 180–181.

Каишанов С. М. О типе Русского государства в XIV–XVI вв. // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма : чтения памяти В. Б. Кобрин. М. : Изд-во РГГУ, 1992. С. 85–92.

Кивельсон В. Картография царства : Земля и ее значение в XVII в. М. : Новое лит. обозрение, 2012. 357 с.

Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований : Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 3–33.

Коллманн Н. Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М. : Новое лит. обозрение, 2016. 611 с.

Коллманн Н. Ш. Соединенные честью. М. : Древлехранилище, 2002. 461 с.

Кром М. М. Введение в историческую компаративистику. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 247 с.

Кукулин И. В тени завтрашнего дня : Сезон 2, серия 24-я // Ab Imperio. 2017. № 2. С. 225–255.

Машинова О. Ю. Общество, публика, общественность в России середины XIX – начала XX века : Отражение в понятиях практик публичной коммуникации и общественной деятельности // «Понятия о России» : К исторической семантике имперского периода : в 2 т. М. : Новое лит. обозрение, 2012. Т. 1. С. 428–463.

Межуев В. М. Россия все еще в пути... // Родина. 1997. № 9. С. 10–15.

Миллер А. И. Предисловие // Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М. : Новое лит. обозрение, 2003. С. 5–11.

Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. : РОССПЭН, 1998. 573 с.

Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России : XVIII – начало XX века. М. : Весь мир, 2012. 844 с.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 548 + 566 с.

Миф о вековой отсталости России // Руксперт : справочник патриота [сайт]. URL: [http://ruxpert.ru/Миф_о_вековой_отсталости_России_\(дата_обращения:_14.10.2017\)](http://ruxpert.ru/Миф_о_вековой_отсталости_России_(дата_обращения:_14.10.2017)).

Сталин И. В. О задачах хозяйственников : речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // Сталин И. В. Соч. : в 13 т. М. : Госполитиздат, 1951. Т. 13. С. 29–42.

Троцкий Л. Д. История русской революции : в 2 т. Берлин : Гранит, 1931. Т. 1. 531 с.

Устрялов Н. Г. История Петра Великого. СПб. : Тип. II-го О. С. Е. И. В. К., 1858. Т. 1. 399 с.

Флоря Б. Н. «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1992. № 2. С. 56–74.

Шенк Ф. Б. Поезд в современность : Мобильность и социальное пространство в России в век железных дорог. М. : Новое лит. обозрение, 2016. 584 с.

Gershenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective : A Book of Essays. Cambridge ; Massachusetts : Belknap Press ; Harvard Univ. Press, 1962. 456 p.

Gibson L. All Quite on the Forefront // University of Chicago Magazine. 2008. Jan. / Febr. Vol. 100. Iss. 3. URL: http://magazine.uchicago.edu/0812/investigations/all_quiet.shtml (mode of access: 14.10.2017).

H-Net : Humanities and Social Sciences Online [web-portal]. URL: <http://h-net.msu.edu/cgi-bin/logbrowse.pl?trx=vx&list=h-russia&month=0610&week=b&msg=1cNaeDLXdnP01yeHLtTAJA&user=&pw=> (mode of access: 07.10.2017).

Kamenskii A. Russian and Western Eighteenth-Century Towns : Possible Aspects of Comparison // Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century : Essays in Honour of Antony G. Cross. Münster : Lit, 2004. P. 62–71.

Kivelson V. Autocracy in the Provinces : The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. N. Y. : Cornell Univ. Press, 1996. 372 p.

Kivelson V. Cartographies of Tsardom : The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca ; N. Y. : Cornell Univ. Press, 2006. 263 p.

Kollmann N. S. By Honor Bound : State and Society in Early Modern Russia. Ithaca ; L. : Cornell Univ. Press, 1999. 296 p.

Kollmann N. S. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2012. 488 p.

Martin J. "Backwardness" in Russian Peasant Culture : A Theoretical Consideration of Agricultural Practices in the Seventeenth Century // Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine / eds. S. H. Baron, N. S. Kollmann. DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 1997. P. 19–33.

Martin T. D. The Affirmative Action Empire : Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca ; N. Y. : Cornell Univ. Press, 2001. 496 p.

Migdal J. Strong Societies and Weak States : State-Society Relations and State Capabilities in the Third World. Princeton : Princeton Univ. Press, 1988. 296 p.

Mironov B. N. A Social History of Imperial Russia, 1700–1917 : in 2 vols. Boulder; Colo : Westview Press, 1999–2000. 600 + 300 p.

Neumann I. B. Uses of the Other : "The East" in European Identity Formation. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 1999. 281 p.

Poe M. A People Born to Slavery : Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca ; N. Y. : Cornell Univ. Press, 2000. 293 p.

Stanziani A. Russian Serfdom : A Reappraisal // Ab Imperio. 2014. № 2. P. 71–98.

Todorova M. Imagining the Balkans. N. Y. : Oxford Univ. Press, 1997. 257 p.

Todorova M. The Trap of Backwardness : Modernity, Temporality, and the Study of Eastern European Nationalism // Slavica Rev. 2005, Spring. Vol. 64, no. 1. P. 140–164.

Wolff L. Inventing Eastern Europe : The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Calif. : Stanford Univ. Press, 1994. 419 p.

References

Buldakov, V. P. (2017). Bich satiry i revolyutsiya. Vmesto predisloviya [The Scourge of Satire and the Revolution. Instead of a Preface]. In *Bich 1917. Sobytiya goda v satire sovremennikov*. Moscow, Boslen, pp. 11–12.

Catherine II (2010). Nakaz komissii o sochinenii proekta novogo ulozheniya [The Great Instruction to the Legislative Commission]. In Ekaterina II. *Izbrannoye*. Moscow, ROSSPEN, pp. 115–189.

Davydov, M. A. (2010). *Vserossiiskiy rynek v kontse XIX – nachale XX vv. i zheleznodorozhnaya statistika* [The All-Russia Market in the Late 19th – Early 20th Centuries and Railway Statistics]. St Petersburg, Aleteiya. 832 p.

Dogoniayushee razvitiye [The Catching-up Development]. (2003). In Lopatnikov, L. I. *Ekonomiko-matematicheskii slovar'. Slovar' sovremennoi ekonomicheskoi nauki*. Moscow, Delo. URL: http://economic_mathematics.academic.ru/1475 (mode of access 14.10.2017).

Efimov, A. (2017). *S chego my vzyali. Tri veka popytok ponyat' Rossiyu umom* [Why We Think so. Three Centuries of Attempts to Understand Russia with Mind alone]. Moscow, Individuum. 413 p.

Florya, B. N. (1992). "Sluzhebnyaya organizatsiya" i ee rol' v razvitiy feodal'nogo obshchestva u vostochnykh i zapadnykh slavyan [Service Organisation and its Role in the Development of Feudal Society of the Eastern and Western Slavs]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 2, pp. 56–74.

Gerschenkron, A. (1962). *Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays*. Cambridge, Massachusetts, Belknap Press of Harvard Univ. Press. 456 p.

Gibson, L. (2008). All Quite on the Forefront. In *University of Chicago Magazine*. Jan. / Febr. Vol. 100. Iss. 3. URL: http://magazine.uchicago.edu/0812/investigations/all_quiet.shtml (mode of access: 14.10.2017).

H-Net: Humanities et Social Sciences Online [web-portal]. URL: <http://h-net.msu.edu/cgi-bin/logbrowse.pl?trx=vx&list=h-russia&month=0610&week=b&msg=1cNaeDLXdnp01yeHLtTAJA&user=&pw=> (mode of access: 07.10.2017).

Kamenskii, A. (2004). Russian and Western Eighteenth-Century Towns: Possible Aspects of Comparison. In *Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century: Essays in Honour of Antony G. Cross*. Münster, Lit, pp. 62–71.

Karp, S. Ya., Mel'yantsev, V. A. (2013). Vvedenie: Vostok I Zapad v XVIII veke [Introduction: East and West in the 18th Century]. In *Vsemirnaya istoriya v 6 t.* [World History. 6 Vols.]. Moscow, Nauka. Vol. 4. Mir v XVIII veke, pp. 5–11.

Kashtanov, S. M. (1992). O tipe russkogo gosudarstva v XIV–XVI vv. [On the Typology of the Russian State in the 14th–16th Centuries]. In *Cheniya pamyati V.B. Kobrina: "Problemy otechestvennoi istorii i kul'tury perioda feodalizma"*. Moscow, Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitranogo universiteta, pp. 85–92.

Kashtanov, S. M. (1999). Istoricheskie paralleli: Ivan III i Carl Martell [Historical Parallels: Ivan III and Carl Martell]. In *Rossiia v IX–XX v.: Problemy istorii, istoriografii I istochnikovedeniya* [Russia in the 9–20th Centuries: Issues of History, Historiography, and Source Studies]. Moscow, Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitranogo universiteta, pp. 180–181.

Kivelson, V. (1996). *Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century*. Cornell Univ. Press. 372 p.

Kivelson, V. (2006). *Cartographies of Tsardom: The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia*. Ithaca, N. Y., Cornell Univ. Press. 263 p.

Kivelson, V. (2012). *Kartografiya tsarstva. Zemlya i ee znachenie v XVII v.* [Cartographies of Tsardom. The Land and Its Meanings in 17th Century Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 357 p.

Kollmann, N. S. (1999). *By Honor Bound. State and Society in Early Modern Russia*. Cornell Univ. Press. Ithaca, L., Cornell Univ. Press. 296 p.

Kollmann, N. S. (2002). *Soedinennye chest'yu* [Bound by Honour]. Moscow, Drevlekhranilishche. 461 p.

Kollmann, N. S. (2012). *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 488 p.

Kollmann, N. S. (2016). *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni* [Crime and Punishment in Early Modern Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 611 p.

Koval'chenko, I. D. (1995). Teoretiko-metodologicheskie problem istoricheskikh issledovaniy [Theoretical and Methodological Issues of Historical Studies]. In *Novaya i noveishaya istoriya*. No. 1, pp. 3–33.

Krom, M. M. (2015). *Vvedenie v istoricheskuyu komparativistiku* [An Introduction to Comparative History]. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 247 p.

Kukulin, I. V. (2017). V teni zavtrashnego dnya. Sezon 2. Seriya 24 [In the Shadow of Tomorrow. Season 2. Episode 24]. In *Ab Imperio*. No. 2, pp. 225–255.

Malinova, O. Yu. (2012). Obshchestvo, publika, obshchestvennost' v Rossii serediny XIX – nachala XX veka: Otrazhenie v ponyatiyah praktik publichnoi kommunikatsii i obshchestvennoi deyatelnosti [Society and the Public in Russia between the mid-19th and Early 20th Centuries: Notions of Public Communications and Public Activities Practices]. In *"Ponyatiya o Rossii". K istoricheskoi semantike imperskogo perioda v 2 t.* Vol. 1. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 428–463.

Martin, J. (1997). "Backwardness" in Russian Peasant Culture. A Theoretical Consideration of Agricultural Practices in the Seventeenth Century. In Baron, S. H., Kollmann, N. S. (Eds.). *Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine*. DeKalb, Northern Illinois Univ. Press, pp. 19–33.

Martin, T. D. (2001). *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, N. Y., Cornell Univ. Press. 496 p.

Mezhuev V.M. (1997). Rossiya vse eshche v puti [Russia is still on the Way]. In *Rodiina*. No. 9, pp. 10–15.

Mif o vekovoi otstalosti Rossii [The Myth of Russian Backwardness]. (N. d.). In *Ruk-spert. Spravochnik patriota* [website]. URL: <http://ruxpert.ru/> Миф_о_вековой_отсталости_России (mode of access: 24.10.2017).

Migdal, J. (1988). *Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World*. Princeton, Princeton Univ. Press. 296 p.

- Miller, A. I. (2003). Predislovie [Preface]. In Wolff, L. *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta tzivilisatsii v soznanii epohi Prosvesheniya*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 5–11.
- Milov, L. V. (1998). *Velikorusskiy pahar' i osobennosti rossiiskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian Ploughman and the Peculiarities of the Russian Historical Process]. Moscow, ROSSPEN. 573 p.
- Mironov, B. N. (1999). *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)*. *Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva v 2 t.* [The Social History of Russia of the Period of the Empire (18th – Early 20th Centuries). The Genesis of an Individual, Democratic Family, Civil Society and the Rule of Law. 2 Vols.]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 548 + 566 p.
- Mironov, B. N. (1999–2000). *A Social History of Imperial Russia, 1700–1917*. 2 Vols. Boulder, Colo, Westview Press. 600 + 300 p.
- Mironov, B. N. (2012). *Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoi Rossii. XVIII – nachalo XX veka* [The Wealth of the Population and Revolutions in Imperial Russia. 18th – Early 20th Centuries]. Moscow, Ves' mir. 844 p.
- Neumann, I. B. (1999). *Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation*. Minneapolis, Univ. of Minnesota Press. 281 p.
- Poe, M. (2000). *A People Born to Slavery: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748*. Ithaca, N. Y., Cornell Univ. Press. 293 p.
- Schenk, F. B. (2016). *Poezd v sovremennost'. Mobil'nost' i sotsial'noe prosrstanstvo v Rossii v vek zheleznykh dorog* [A Train to Modernity. Mobility, and Social Space in Russia in the Railway Age]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 584 p.
- Stalin, I. V. (1951). O zadachakh khozyaistvennikov. Rech na Pervoi Vsesoyuznoi konferentsii rabotnikov sotsialisticheskoi promyshlennosti 4 fevralya 1931 g. [On the Goals of Economy Executives. A Speech at the First All-Union Conference of the Workers of Socialist Industry on February 4, 1931]. In Stalin, I. V. *Sochineniya v 13 t.* Vol. 13. Moscow, Gospolitizdat, pp. 29–42.
- Stanziani, A. (2014). Russian Serfdom: A Reappraisal. In *Ab Imperio*. No. 2, pp. 71–98.
- Todorova, M. (1997). *Imagining the Balkans*. N. Y., Oxford Univ. Press. 257 p.
- Todorova, M. (2005). The Trap of Backwardness: Modernity, Temporality, and the Study of Eastern European Nationalism. In *Slavic Rev.* Vol. 64. Spring. No. 1, pp. 140–164.
- Trotskii, L. D. (1931). *Istoriya russkoi revolyutsii v 2 t.* [The History of the Russian Revolution. 2 Vols.]. Vol. 1. Berlin, Granit. 531 p.
- Ustryalov, N. G. (1858). *Istoriya Petra Velikogo* [The Story of Peter the Great]. St Petersburg, Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. 399 p.
- Wolff, L. (1994). *Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Calif., Stanfod Univ. Press. 419 p.
- Wolff, L. (2003). *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta tzivilisatsii v soznanii epohi Prosvesheniya* [Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 560 p.
- Zhukovskii, V. A. (2008). Iz dnevnika [From the Diary]. In Fil'kina, E. Yu. (Ed.). *"Put' moi lezhit po zemle k prekrasnoi i vozyshhennoi tseli"*. Moscow, Russkii mir, pp. 360–425.

The article was submitted on 25.09.2017